

КРОКОДИЛ

2
1978

— Еще одна достала? Повесим в ванной...

Рисунок Г. ИОРША

Уважаемый товарищ *Зайцев В. И.*

Ваши часы получены заводом с дефектом — коррозия всего механизма. Дефект непроизводственного характера гарантийному ремонту не подлежит. Высылаем часы без ремонта.

ОТК

Ф 503096. 17/IV 1976 г. Челябин. городская типография № 1 Тираж 1000. Заказ 1172.

ЛИЦО НЕОДУШЕВЛЕННОЕ

До чего же предки наши были ранимы! На малейшую грубость реагировали. Чуть что не по ним — сразу за перчатку: «Получите, сударь! (Хлобьсть по лицу!) Завтра мой секундانت посетит вас».

Одно разорение было с этими перчатками. Не то что сейчас. В наше время перчатками не поразбрасываешься.

Наглядный пример. В Куйбышеве это было, в приемном пункте № 21 комбината бытового обслуживания. Клиент А. Данилов сдал женские сапоги на перетяжку, а их уже три месяца перетягивают. Вместо одного, как было условлено. И вот А. Данилов при всем честном народе произносит обидные слова. Обидные, казалось бы, не только для комбината в целом, но и для приемщицы. Для заведующего приемным пунктом.

Ну, не повод ли это для заведующего швырнуть в лицо обидчику перчатку и воскликнуть: «К барьеру, сударь!»

А что делает заведующий? Любезно выслушивает тираду клиента. Корректно улыбается. Учтиво говорит:

— Целиком и полностью согласен с вами, дорогой товарищ. Так же как и со всей клиентской массой, негодование которой зафиксировано в книге жалоб. Но я-то лично тут ни при чем. Ни при чем тут и эта милая девушка, оформлявшая ваш заказ. Мы только принимаем — ремонтируют другие.

Представляете, какая экономия перчаток! Вместо того, чтобы потребовать сатисфакции от авторов критических замечаний в книге жалоб, работники приемного пункта принимают позу стороннего наблюдателя. Дескать, я не я и хата не моя. Не моя персональная честь задета, а честь предприятия, в данном случае комбината бытового обслуживания.

А между тем комбинат — лицо неодушевленное. Он не способен на эмоции, не краснеет за плохую работу.

Или, скажите, встречалась ли вам такая фамилия — ОТК? Вряд ли. Нету такой фамилии. А есть отдел технического контроля Челябинского часового завода. Лицо опять-таки неодушевленное. Одушевленные лица в письме уважаемому товарищу Зайцеву В. И. увильнули от ответственности. Не указав своих фамилий, они оберегли свою честь, а поставили под удар честь завода.

Итак, завод выпустил часы, которые приобрел Зайцев. Потом завод отремонтировал часы, о чем Зайцев В. И. узнал из письма (без письма он об этом не догадался бы, потому что часы не шли). После вторичного заводского ремонта часы шли двадцать семь дней. И вот на третий раз Зайцева В. И. извещают о коррозии, совершенно неожиданно охватившей весь механизм. Тем самым намекая на то, что он на ночь опускал часы в стакан с водой — чтобы не усохли.

— К барьеру! — воскликнул уязвленный Зайцев В. И., изготовив перчатку.

Но, как мы уже знаем, дураков нет, чтобы подставлять ему под перчатку лицо. Пусть, дескать, отвечает кто хочет, только не я. Свое лицо — не казенное.

Зайцев В. И.

ДОРОЖНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

Рисунок Б. ВОРОБЬЕВА.

крокодил помог

«Я ХОЧУ ДОМОЙ!»

В пионерском лагере горисполкома Каменец-Подольска, Хмельницкой области, созданы были такие неблагоприятные условия для отдыха, что дети хором просились домой. («Крокодил» № 28 за 1977 год).

Заместитель председателя Каменец-Подольского горисполкома тов. В. Вальцер сообщил редакции, что факты подтвердились. Заметка обсуждена на совместном совещании директоров школ и учителей, которые работали в пионерском лагере.

Городским отделом народного образования проведена замена руководства лагеря, укреплен состав воспитателей, улучшено санитарное состояние территории.

«КАША С ДЫМКОМ»

О нерегулярной доставке газовых баллонов в поселок Бушмановка, Калужской области говорилось в одноименной заметке, опубликованной в журнале № 28 за прошлый год.

Заместитель председателя исполкома Турнинского сельского Совета тов. А. Кузина сообщила редакции, что в настоящее время газ в баллонах доставляется населению по специальному графику.

«ПЕДАГОГИКА ПОД ГРАДУСОМ»

Педагоги Красногородской средней школы любили выпить. Причем особенно им это нравилось делать в стенах школы. Директор П. Елисеев устраивал междусобойчики в своем кабинете. Учителя находили собутыльников и среди родителей. После чего в классе в лучшем случае раздавался храп учителя, в худшем — учитель кричал на воспитанников и даже распускал руки.

Об этом и рассказывалось в фельетоне Е. Кариной («Крокодил» № 29 за 1977 год).

Получен ответ за подписью заместителя председателя Псковского облисполкома тов. И. Васильева. Фельетон обсужден на расширенном заседании коллегии облоно, на бюро Красногородского РК КПСС, на совещании руководителей школ района.

Директор школы П. Елисеев привлечен к строгой партийной ответственности. Учитель П. Быстров исключен из рядов КПСС и уволен с работы. Освобожден от работы и воспитатель группы продленного дня В. Валк.

Коллегия облоно строго указала заведующим районными и городскими отделами народного образования на повышение ответственности руководителей школ за состояние работы с педагогическими кадрами.

«ПРОСТО СМЕШНО УТВЕРЖДАТЬ, ЧТО НЕГУМАННО ИСПОЛЬЗОВАТЬ НЕЙТРОННУЮ БОМБУ».

**ГЕНЕРАЛ А. ХЕЙГ,
ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ
СИЛАМИ НАТО В ЕВРОПЕ**

«ПРЕИМУЩЕСТВА НЕЙТРОННОЙ БОМБЫ? ЕЕ УДОБНО ПРИМЕНЯТЬ НА ПОЛЕ БОЯ В ЕВРОПЕ».

**И. ЛУНС, ГЕНЕРАЛЬНЫЙ
СЕКРЕТАРЬ НАТО**

«В ФЕВРАЛЕ ИЛИ НАЧАЛЕ МАРТА СТРАНЫ НАТО НАПРАВЯТ КРАТКИЕ ПИСЬМА С УВЕДОМЛЕНИЕМ О ТОМ, ЧТО ГОТОВЫ ПРИНЯТЬ НА СВОИ ТЕРРИТОРИИ НЕЙТРОННЫЕ БОЕГОЛОВКИ».

**ИЗ ГАЗЕТЫ
«ЛОС-АНДЖЕЛЕС ТАЙМС»**

Видите, как все просто, ну прямо как на почте. Краткое письмо-уведомление, а вскоре и ответ: дескать, получите бандероль или там посылочку. Только в ней будет не варенье от бабушки, а нейтронная боеголовка. Стоит ли вокруг этого заводить разговор!

А ведь подумать только, находятся люди, которые приходят в ужас от одного упоминания о нейтронном подарочке. Генералу Александру Хейгу смешно от их ахов и охов. Не понимают, чудаки, что такого гуманного оружия свет еще не видел. Возьмем, к примеру, Кельнский собор или Нотр-Дам де Пари.

Коротко уведомляем

Ведь это же такие ценности, что никакими долларами не выразить. И вот, представьте, рвется нейтронная бомба. Как там наш Кельнский! Смотришь, стоит. А что с Богоматерью! Не шелохнется. И трупы не завалены обломками, лежат целенькие — подбирай и вывози. И это не гуманное оружие!!

— Хм, Европа тем не менее недовольна! — удивляется министр обороны США Гарольд Браун. — Странно. Да знаете ли вы, — заявил министр на декабрьской сессии совета НАТО, — что нейтронная бомба разрабатывалась Пентагоном специально для использования на европейском театре военных действий!

Не слышится ли вам здесь, читатель, интонация оскорбленного в лучших чувствах плотника-гробовщика — он, трудяга, пилит, строгал, сколачивал ящичек специально по мерочке, а Европа, видите ли, не желает в него ложиться! Сама не знает старушка Европа, что ей нужно, никак ей не потрафишь. Стараешься в поте лица — и никакой тебе благодарности...

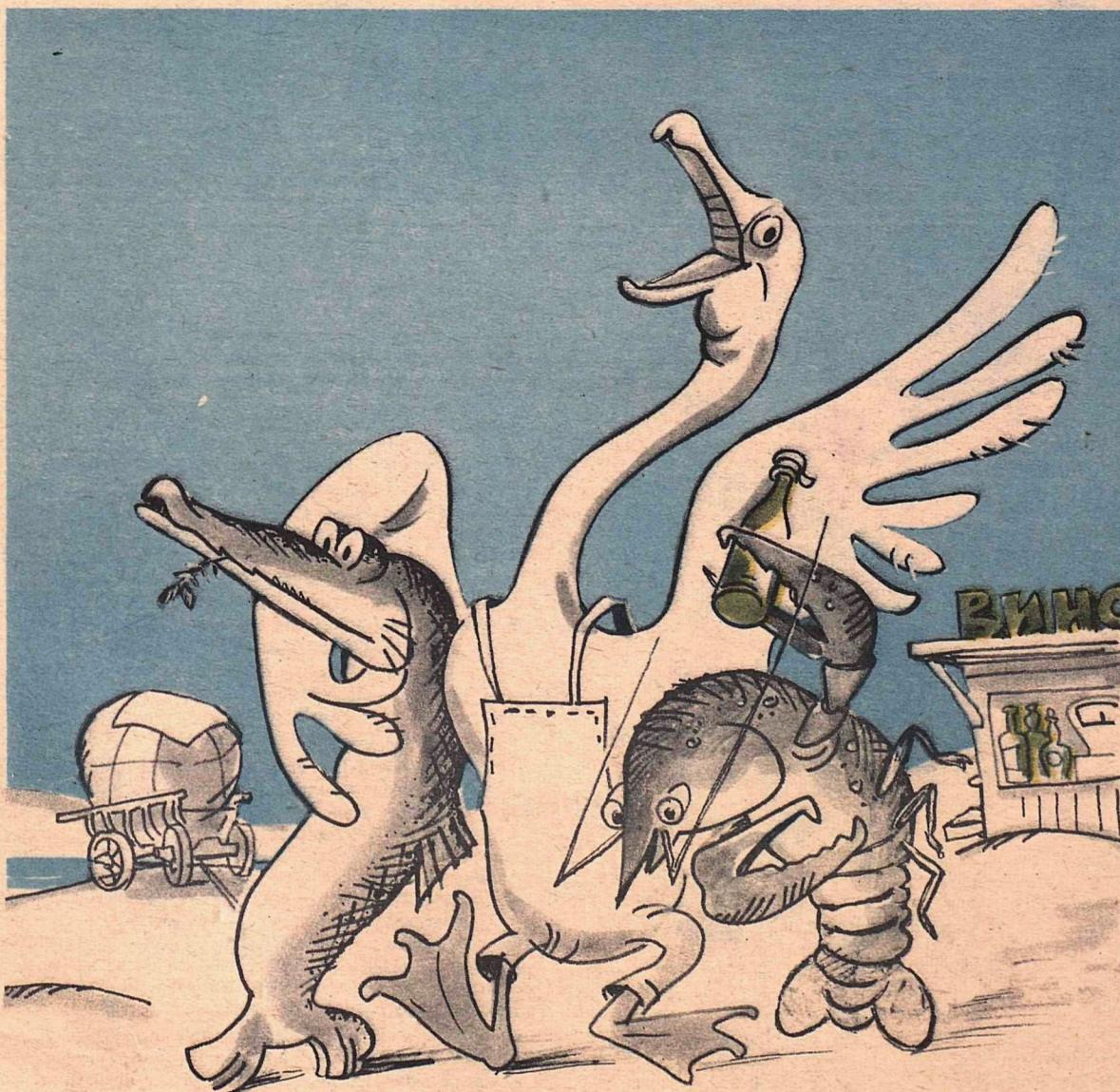
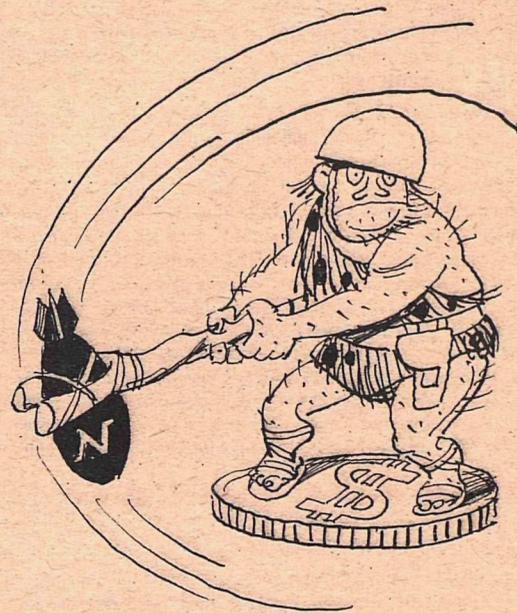
И тогда поспешил высказаться генеральный секретарь НАТО И. Лунс.

— Не огорчайтесь, — поймал он Брауна в перерыве заседания совета НАТО. — Я уже объявил в интервью газете «Фигаро», что нейтронную бомбу очень удобно применять на поле боя в Европе. Лучше места не сыскать. Как пишется в рекламе: «Надежно, выгодно, удобно!»

Итак, генералу Хейгу смешно, а его подручные подхихикивают. А когда горстка безответственных индивидуумов веселится, помахивая при этом такой штукой, как нейтронная бомба, впору подумать о рубашке специального

назначения. Именно в таком смысле и высказываются здравомыслящие люди в Англии, Японии, Бельгии, Франции... Итальянские ученые заявили: «Говорить, что нейтронная бомба гуманна, — значит выступать за возвращение от цивилизации к временам варварства».

Крокодил присоединяется к этой оценке. О чем мы, не дожидаясь февраля — марта, уведомляем господ нейтронщиков.

КОГДА В ТОВАРИЩАХ СОГЛАСЬЕ...

Рисунок К. НЕВЛЕРА и М. УШАЦА.

Владимир МАСС

Челны и струги

Уже ракеты в космосе летают,
а в песнях
на простор речной волны
все те же расписные выплывают
на стрежень
Стеньки Разина челны.
Пусть в наши дни немного несуразен
старинный челн
над волжской новизной,
но так же
на переднем
Стенька Разин
сидит,
гордясь красавицей княжной.
Фрегаты,
каравеллы,
бригантины...
Их тоже не увидишь в наши дни,
но песни есть о них и есть картины,
и, значит, не исчезли и они.
И пусть иной корабль старинной формы
для рифмы разве только применим,
но все ж его рисуем до сих пор мы,
поем о нем
и в памяти храним.
И символ нашей юности тревожной,
на разные разбившись голоса,
как прежде
в старой песне молодежной,
прилежно
поднимает паруса.
Слова не тонут в памяти, не вянут,
Их ветры не срывают с якорей,
И, если их изъять из словарей,
родной язык
и жизнь
мгновенно станут
бедней и суше,
суше и серей.

УТЕРЯН ТЕПЛОВОЗ

Материк, на материке, с материка... Что, скажем, у жителей Сахалина или Командорских островов в почете это слово — понятно, но прислушайтесь! И у камчадала оно не сходит с уст, и у магаданца, и у старожилы арктического города Певек. Это не странность и не прихоть, читатель, это мудрая жизнь строго диктует свою лексику. И пусть географически данные граждане живут на одном куске суши с москвичами и свердловчанами, на самом же деле они крепко отделены от них. Кроме как самолетом или водным транспортом не добраться сюда, так чем же вам не острова Камчатка и Чукотка да и все северо-восточное побережье?

Посему давайте примем слово «материк» в этом новом для него качестве. Давайте посмотрим, как заботится материк о своих окраинных областях.

Заботится. Вот вам, окраинные области, машины и виноград, топливо и ширпотреб, бульдозеры и одеколон «Шипр». Не покладая крыльев трудится «Аэрофлот», но мы мало-помалу учимся считать деньги, и мы знаем: авиация — это дорого. Лишь в экстренных случаях, когда речь идет о перевозке лекарства или персиков, детского питания или цветов, позволительно воспользоваться его грузовыми услугами. А так вода плюс железная дорога — великий альянс, способный начисто стереть грань между материком и острова-

ми, причем не в переносном, а в самом что ни на есть прямом смысле.

Он и стирает, но случаются пробуксовки в этом мощном содружестве, и тогда сняты Валентине Клементьевне Пак удивительные сны. Например, розовый олень без одной ноги или ОДАЗ-885 без колеса, что, собственно, одно и то же.

ОДАЗ расшифровывается как Одесский автосборочный завод, цифра же означает номер модели. Аж в июне 1976 года отгрузили тягачи с прицепами по камчатскому адресу аккуратные одесситы, после чего прицепы бесследно исчезли на много месяцев. Никто не знает, где путешествовали они, но спустя без малого год оказались все четыре на земле камчатской. Странствия, однако, не прошли бесследно. Один был без колес, другой — без аккумулятора, третий — без стекол, четвертый — без запасных частей, или «зипа», как их сокращенно именуют тут, ибо больно уж часто приходится повторять на все лады это популярное словосочетание.

И вот тут-то, согласно традиции, на арене должны появиться наконец герои фельетона. Должны, но не появляются, беспомощно пожимает автор плечами. Точно так же, как в свое время пожали плечами и Валентина Клементьевна Пак, старший инженер отдела оборудования «Камчатскснаба», и ее непосредственный начальник Сергей Александрович Еремин, и зам. начальника Камчатского пароходства Юрий Николаевич Ва-

нин, доставивший прицепы из Владивостока в Петропавловск, и Яков Михайлович Борщ, зам. начальника железнодорожной станции Владивосток...

Цепочка эта бесконечна, как вселенная, и, как вселенная, загадочна. Впрочем, ее первое и последнее звено известно. Это отправитель, который отправил получателю нечто в полном комплекте и полной исправности, и получатель, который это нечто получил разбитым и разукomплектованным.

Не станем, однако, сгущать краски. Не станем утверждать, что бедный получатель совсем уж бесправен. На его стороне закон, и во исполнение этого закона Камчатское пароходство, как заключающий перевозчик, беспрекословно компенсирует любые потери.

Компенсирует, да. Без стекол, колес, аккумуляторов и, конечно же, «зипов» пришла универсальная погрузчица ТО-18? Пожалуй, клиент, получите за стекла, колеса, аккумуляторы и, конечно же, «зипы». Пожарные мотопомпы без карбюраторов и трамблеров? Ради бога, вот вам полная стоимость недокомплекта. Грузовики без фар, стоп-сигналов и поворотов? Говорите скорей, сколько стоит. «Москвичи» без радиоприемников? Пардон, вычитите из стоимости машины стоимость приемника — и будем квиты.

Дензнаки не проблема, дензнаки есть. Любый камчадал и любое административное лицо с лихостью отсчитает, сколько требуется. Но дайте колесо! Дайте «зипов»! Дайте приемник, карбюратор и лобовое стекло — проблема тут.

Четыре тысячи рублей отвлечено в 1975 году одной только «Сельхозтехнике» за недокомплект. Заметьте, в 1975-м, а в истекшем, 1977-м, за одно первое полугодие — вдвое больше. Прогресс!

Вы думаете, Камчатское пароходство, эта последняя инстанция на трансконтинентальном пути «материк — окраина», не ведает этого? Ого, как

Рисунок
Б. САВКОВА.

— Не знаешь адреса, так спросил бы у родителей.
— А они не помнят.

Хорошо, конечно, когда все при тебе. Тогда меньше причин для переживания. Лучше иметь две руки, а не одну. Это понятно, но не у всех так получается.

Живет, например, в городе Херсоне инвалид. Зовут его Иван Константинович. Образование у него среднее финансовое, поэтому работает он в горфинотделе, где числится на хорошем счету.

Жена у него замечательная женщина, аптечная служащая. Старший сын строит Усть-Илимскую ГЭС. Младший дежурит в милиции и заочно учится в физкультурном институте. Кроме того, есть внуки. Словом, крепкая, нормальная семья. Так что наш герой не впадает в уныние, не пьет с тоски и не нервничает, если не считать отдельных случаев.

Но снашивается у него обувь. Это бывает. Тогда он направляется в местную городскую организацию по обслуживанию инвалидов и делает заказ. Правда, не на шнурках, как всем, а на резинках.

— Это что за причуды? — интересуются в мастерской.

— Вместо правой руки у меня протез, — объясняет инвалид. — А одной левой бантик завязывать — только нервы дергать.

Ну, через некоторый срок изготовляют ему обувь. На шнурках. С бантиком. Оказывается, другую модель осилить нельзя.

— Ну, ладно, это бывает, — говорит инвалид. — Но почему убогая она такая?

— Вам что, на танцы ходить, папаша? — интересуются в мастерской.

— В финотдел, — отвечает инвалид.

Но ходить в финотдел все же стесняется. По его просьбе жена посылает эту обувь сыну на строительство таежной ГЭС, где тот успешно использует ее на участке бетонных работ.

Тем временем у Ивана Константиновича выходит из строя протез. Протез — дело нештучное, поэтому инвалид уже не суется в местную организацию, а вместе с женой едет на междугородном автобусе «Херсон — Одесса» в Одесское производственное объединение протезно-ортопедических изделий, проше говоря, ОПОПОИ.

Делает там заказ. Через два месяца вызывают его на примерку. В процессе примерки он видит, что протез будет ему тесноват. Инвалид честно предупреждает об этом молодую красивую девушку — техника Н. В. Смирнову.

— Не возникайте, папаша, — говорит ему девушка. — Без вас разберемся.

Когда наш герой вместе с женой приезжает на ОПОПОИ за получением, то при виде готового изделия он пугается.

ведает, причем постигло премудрость на собственном горьком опыте, когда получило для своих нужд полуразобранные тягачи и автобус. Компенсация, как водится, была выплачена в данном случае самому себе, но тягачи от этого не ожили и в автобусе с изъятыми стеклами не стало теплее.

На взгляд неискушенного человека есть вроде бы в арсенале клиента оружие и помощнее денежные компенсаций. Стиснуть зубы, кулак сжать и процедить с мужеством:

— Отказываемся получать.

Но арсенал перевозчика тоже не пуст: возьмет да и бабахнет спокойным голосом:

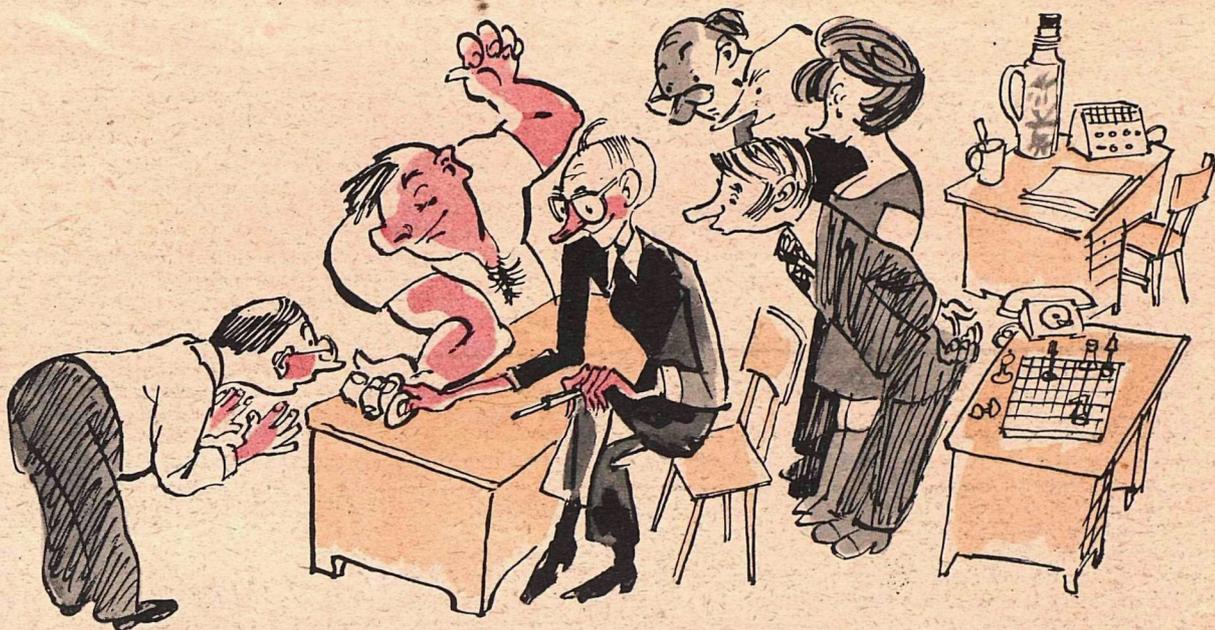
— Ну и черт с вами, ибо все эти пожарные помпы и автопогрузчики, прицепы и тракторы, сеялки и бульдозеры не раздаются всем желающим, так что сбыт найдется. Вы же, не получив их сейчас, получите не скоро, а их с немощными от нетерпения руками ждут на побережье оленеводы и рыбаки, лесорубы и строители. Без карбюраторов и колес согласны взять. На каждом уважающем себя предприятии есть добычки дефицита. Это специалисты высокого класса. На самолет — и в путь, на материк, и уже профессиональное самолюбие не позволит им вернуться оттуда с пустыми руками.

...Потери же при долгой транспортировке чего бы то ни было с материка в тутошние края стали настолько обыденны, что во Владивостокской мореходке фигурирует по курсу «Коммерческое дело» классический пример с исчезновением тепловоза. Материк послал его в одну из своих окраинных областей, а он по дороге сгинул невесть куда. Так вот, преподаватели «Коммерческого дела» учат, как доказать, что это не МЫ, а ОНИ — кто угодно другой — потеряли тепловоз. И учат успешно.

Камчатка.

ЗАГАДОЧНАЯ КАРТИНКА

Рисунок М. СКОБЕЛЕВА

Кто из соревнующихся зав. отделом?

С. БОДРОВ, специальный корреспондент Крокодила

— Для чего же вы такую уродину изготовили? — спрашивает инвалид.

— Вам что, папаша, на танцы ходить? — интересуется техник.

И пытаются всунуть инвалида в протез. Протез не налазит. Не впихивается он и при помощи специалистов — мужчин. Инвалид начинает делать замечания и нервничать. Жена его тихо плачет. Им дают валерьянки и сажают на междугородный автобус.

Когда в четвертый раз супруги прибывают в Одессу, протез оказывается в прежнем виде. Тут начинается дискуссия, и техник Смирнова допускает в ней дерзости. Однако чтобы отвязаться от надоедливого инвалида, ему в ударном порядке, прямо в конце рабочего дня мастерят новый протез, а затем подсаживают на междугородный автобус.

По приезде домой Иван Константинович и его

жена, люди уже немолодые, долго лежат на кровати и отдыхают, слушая по радио любимые песни. Потом Иван Константинович примеряет протез. В рукав костюма он не входит. Ходить в горфинотдел без костюма, с деревянной рукой наперевес он стесняется. Ехать опять в ОПОПОИ — нет никаких нервов. Иван Константинович бабахнул на предприятие письмо. И не зря. Вскоре прямо в горфинотдел приезжает симпатичный техник с новым протезом под мышкой.

— Кто тут инвалид? — поинтересовался он.

И прямо на месте быстро произвел примерку, записывая, что и где надо подтесать, чтобы добиться полной кондиции. Долгожданный протез обрел ясные очертания. Служивцы уже поздравляли своего коллегу. Они не думали, что протез опять затеряется.

Тогда Иван Константинович с женой в очередной раз поехал на междугородном автобусе и

обнаружил долгожданный протез в неготовом виде на складе. Тут, прямо скажем, инвалид совсем разнервничался и дошел до точки. Жена его тихо плакала. Им обоим дали валидолу, велели подождать два дня и сделали наконец все как положено. Правда, тянулись эти междугородные рейсы без малого год.

И пока Иван Константинович по бесплатной путевке лечил нервы в одном из украинских санаториев-здравниц, ваш корреспондент встретился с директором Одесского производственного объединения протезно-ортопедических изделий Николаем Васильевичем Верехиным.

— Конечно, безобразия, — устало сказал директор. — Только, может, копнем поглубже? Может, ознакомимся, в каком состоянии находится протезная промышленность? Вот принимаю я к технику Смирновой меры за ее грубость. Но учтите, что техников у нас постоянный дефицит. Их выпускает один техникум на всю страну. Специалистов с высшим образованием вообще отыскать не можем. Нет и квалифицированных слесарей, сапожников... Так обстоит дело с кадрами. А знаете, сколько поставили нам за первое полугодие прошлого года шин и бандажных пружин? Ноль! Вот и получается — обслуживай инвалидов как хочешь. Что же здесь удивительного, если инвалиды при таком обслуживании нервничают?

Вот такая обрисовалась картина. К этому хочется добавить совсем немного. 20 февраля 1945 года 1376 стрелковый Паневежский полк 417 стрелковой Сивашской дивизии брал город Лиепая. В этом бою автоматчик Иван Гололобов потерял руку. Было ему тогда восемнадцать лет.

Может, достаточно он понервничал?

Херсон — Одесса.

Владимир КОНСТАНТИНОВ, Борис РАЦЕР

«Больше в школу не пойду!»

Как обычно, в семь утра
Слышен мамин голос:
— Николай, вставать пора,
Опоздаешь в школу!
Повернулся сын к стене
И твердит упрямо:
— Надоела школа мне,
Не пойду я, мама!
Заходить боюсь я в класс!
Лишь зайду —

с «камчатки»

Сразу выстрелит мне
в глаз
Второгодник Вяткин.
А когда начну решать
У доски задачу,
Юрка Малышев опять
Мел и тряпку спрячет.
Кто-то клей в портфель
нальет,

А на перемене
Снова с ног меня собьет
Ермолаев Генка,

И в чернила всыплет соль
Перепелкин Рома...
Ты уж, мамочка, позволь
Мне остаться дома!
— Не дури! — сказала мать
Плачущему Коле. —
Шесть уроков пропустить
Кто ж тебе позволит!!
Так что зря не умоляй,
А вставай с кровати —
Ты ведь все же, Николай,
Классный воспитатель!

ОДИНОКШИ В КУРСКЕ

Письмо кричало. Оно было таким пронзительным, что даже слово «теща», написанное с буквой «я» в конце, отнюдь не располагало к веселью. И, действительно, какое уж тут веселье, когда совсем недалеко от Москвы, в Курске, живет молодой человек, у которого отняли единственную дочь. Маленькую Наташу прямехонько из родильного дома стибрила эта самая теща.

Четыре года мучений принял Валерий М. Четыре года мечется между мужем и дочерью его жена Валентина. Четыре года томится ребенок в застенке у бабушки, общаясь с папой своим только через двойные пыльные рамы. Правда, однажды, смертельно рискуя, отец пытался пробраться к дочери, но был ударен коромыслом по шее. Управляла этим предметом старорежимного быта, конечно же, теща.

Ну, а если жене Валентине послушаться мать, уйти вместе с Наташей к любимому человеку? Этого Валентина не может: у сектантов за такое кают.

Иными словами, изуверское давление оказывала на Валерию теща: хочешь жить с моей дочерью и своим ребенком — вступай в секту.

Но не вступил прогрессивный Валерий и звал на помощь печать.

В Курске участковый милиционер Тарасов был попутчиком к дому Валерия.

— Тихий он,— говорил участковый.— Реестр шумных у меня заведен, и ни разу в реестр он не вписан.

В своем большом деревянном доме, где запустение, нету даже сверчка, и какие-то многолетние злаки произрастают на полу под столом, рассказывал Валерий о том, как непомерно он любит разлученную с ним жену, и она его неукротимо любит. Про то говорил Валерий, как купил он дочке конфет «Мишка на севере», а теща метнула за забор весь кулек бродячим псам.

— Я журнал,— говорил Валерий,— как статью вы напишете, у себя на фабрике вывешу. Мы с женой — две половинки — в одном цехе работаем. Враз статья ее образумит, порвет жена с темным царством сектантов. А то ведь дело какое? Затравленные старухой, рискуем встречаться

с женой исключительно в дни авансов и получек у кассы.

Было несколько не по себе, но журналистская этика диктовала побывать у тещи Валерия, где в сенях небольшого домика наизготовку стоит коромысло.

— Теща? — сказала теща.— Какая же я ему теща, когда развелись они? Тому уж сколько лет. Скажи, Валентина.

— Чего ж говорить... На развод он сам подал. Потом четыре раза я с ним съезжалась: уговаривал. День-другой живем тихо-мирно, а на третий — бьет, зуботычничает, со двора гонит. Ребенок от крика заходится. Видеть я его не могу. На фабрике знают, сочувствуют.

— Точно так,— сказали в парткоме на фабрике.— Валя у нас отличная производственница, аккуратная, быстрая. А Валерий — прогуливаец.

— Не по месяцу же,— сказал Валерий.— Если прогуливаю, так кратковременно. От переживания.

— Что, Валентина засосана сектой?

— Секта, секта...— сумрачно говорит Валерий.— А кабы не написал я про сектантов для усиления, разве кто приехал бы?

Да, никакой такой секты нету, а есть клевета и желание занять свой досуг пакостничеством. И вполне может состояться суд над Мальцевым Валерием Ивановичем за клевету.

— Суд? — кричит, катаясь от смеха, Валерий Мальцев.— Дудки, в суд не подадут на меня. Посаженный, алименты я как буду платить? Им лучше, чтобы я был на воле. А коль я на воле, я против них помозгу.

г. Курск

И. ШАТУНОВСКИЙ

"ОРИГИНАЛЬНАЯ" ЛИЧНОСТЬ

Часы уже пробили полдень, когда Влас Макаров освободился наконец от объятий Морфея. Влас — за свободное посещение занятий, поэтому сегодня, как, впрочем, и вчера, на курсы он не идет. Парень облачается в пижаму канареечного цвета и кричит в соседнюю комнату:

— Мама, бриться!

Это значит, что мама должна немедленно принести кипяток, развести мыльную пену и даже подержать ремень, пока сын не направит бритву. Власу удается наконец расправиться с густой щетиной, что покрывает его щеки, и он садится завтракать. Антонина Степановна с тревогой глядит на его задумчивое лицо, на круги под глазами и тревожно спрашивает:

— Может быть, температуру измеришь, Власик? Здоров ли?

Влас не удостоивает Антонину Степановну ответом. В последнее время Влас открыл в себе выдающегося и оригинального философа, и рой самых разнообразных мыслей ежеминутно рождается в его голове. Особенно мучительно беспокоит Власа вопрос о дальнейших судьбах учащейся молодежи. Влас — сторонник самых кардинальных реформ среднего и высшего образования.

Месяц назад он выступил ярким противником экзамена по бухгалтерскому учету.

— Я слышал, что где-то за границей никаких экзаменов не существует. Учитель с учеником отправляются в ресторан, заказывают пива и в порядке творческой дискуссии выясняют отношения,— сообщил неожиданно Влас, которому хотелось мыслить в масштабах вселенной вместо того, чтобы учить бухгалтерские премудрости.— Так почему же оторванные от жизни педагоги учат нас, передовую молодежь, находящуюся в самой гуще жизни, а не мы их?

Власа высмеяли. Тогда он решил на курсы не ходить до тех пор, пока перед ним не извинятся.

И вот вечером, когда на улицах зажигаются первые фонари, Влас отправляется в ресторан. Он садится за свободный столик и с фальшивым французским проносом зовет официанта:

— Гарсон!

Затем Влас Макаров пьет пиво с печатью высокой думы на челе. Пьет пиво и рассуждает о сути бытия, о студенчестве, о сельском хозяйстве.

— Зачем отправляются учащиеся на картошку? — вопрошает сам себя Влас.— Чего же отрывать молодых людей от летних каникул, от удовольствий и развлечений? Мы еще нарабатываемся, успеем. А если

нужна картошка, то ее всегда можно купить на базаре.

Как растет картошка, Влас никогда не видел. Не знает он, что такое силос и из какого растения делается манная крупа. За всю жизнь Влас не бил ни одного гвоздя и никогда не держал в руках пилы или отвертки. И пиво, которое он пьет, и брюки, которые носит, куплены Власу на папины деньги.

Иван Петрович — хороший, знающий инженер. По утрам он ест кукурузные хлопья, потом отправляется в свой институт, где трудится над созданием новых станков. А Влас ест шашлыки и бьет баклуши. Папа творит, а Влас вытворяет. Между прочим, инженеру Макарову уже стукнуло пятьдесят семь. Давно пора Власу постыдиться сидеть на шее отца. Как-то Иван Петрович намекнул: дескать, скоро и я работать, пожалуй, не смогу. Кто тебя кормить, одевать будет, желторотого?

А Влас набрался наглости и изрек:

— Пенсии теперь неплохие, мы с тобой, папаша, и до старости лет припеваючи проживем. А я к тому времени, может быть, и курсы закончу.

Папа возмутился и хватился было за ремень. Но тут с кухни прибежала мама. Она женщина напористая, экспансивная, и с самого начала супружеской жизни Иван Петрович пользуется в семье лишь правом совещательного голоса.

— Что ты пристал к ребенку! — крикнула Антонина Степановна.— Куском хлеба попрекать свое родное дитя стал! Не знаешь будто, что он обижен судьбой?!

А судьба обидела Власа при следующих обстоятельствах. Четыре года назад он окончил с грехом пополам школу и пытался поступить в вуз, но не прошел по конкурсу. В диктанте Влас сделал четырнадцать ошибок, а на экзамене по географии выяснилось, что абитуриент не подозревает о существовании острова Сахалина.

И тем не менее в прошлом году Влас Макаров поступил наконец учиться. Не в вуз, а на бухгалтерские курсы. Правда, ему помог племянник: сдал за своего великовозрастного дядю вступительные экзамены.

— Хорошее место,— обрадовался Влас.— Кончу курсы, а папа с мамой устроят меня бухгалтером в ресторан. Совсем неплохо.

Но вскоре Влас разочаровался и в бухгалтерских премудростях. Учение — это тот же труд, а трудиться Влас не любит и не умеет.

...Мы познакомились с Власом на встрече выпускников школы, которая имела неосторожность выдать

бездельнику путевку в жизнь. В президиуме сидели питомцы школы: рабочие, инженеры, агрономы, врачи. Вечер вел одноклассник Власа Илья Лапин, который приехал на несколько дней в Москву из Братска.

Недоросль сидел в первом ряду, развалился в кресле, слушал, о чем говорят товарищи, но ничего не понимал.

«Нашли чем хвалиться! — ухмылялся он.— Толкует о суете сует — о процентах и нормах, о кукурузе и подсолнухе, о том, как они пилят, рубят и строгают».

Влас послал записку в президиум, но до перерыва слова так и не получил. Он отыскал Илью в коридоре.

— Почему ты не даешь мне возможности высказаться? — спросил Влас.

— А о чем ты собираешься доложить? Ведь говорить-то тебе не о чем.

— Как не о чем? А ты сам много ли смыслишь?

— Если говорить серьезно, то кое-что и смыслю. После школы пошел на стройку. Работаю на Ангаре. Приезжай. Получишь специальность, человеком станешь.

И хотя Илья говорил это от чистого сердца, Влас посчитал, что его неслыханно оскорбили.

— Я против таборизации оседлого населения! — крикнул он.— Зачем ехать в Сибирь, жить без элементарных удобств? Ведь за те же деньги можно сибиряков переселить в Москву, Ленинград, Сочи. Так дашь ли ты мне слово или не дашь?

И вот Влас на трибуне.

— Я хочу заниматься широкой просветительной деятельностью, а мне не дают,— кликушествовал Влас.— И заметьте, это в то самое время, когда любой гражданин на Западе может выставить свою кандидатуру в конгресс...

И вдруг бывший редактор школьного «Бокса» весельчак Василий Силантьевич вскопчил со своего места и крикнул:

— А что, братцы, не избрать ли нам Власия Макарова и в самом деле в конгрессмены?

В зале громко захохотали.

— Что они нашли тут смешного? — удивился Влас. Он слез с трибуны и направился к двери.

Председатель выждал, пока смолкнет шум, и спокойно, будто бы ничего и не случилось, объявил:

— Продолжаем наши выступления. Слово имеет Валя Глядкина, начальник смены трикотажной фабрики...

А Влас пришел домой и попросил у отца десятку на пиво.

Иван Петрович было запротестовал, но Антонина Степановна на него цыкнула:

— Хорош отец, пожалел дитю своему родному. Не знаешь будто, что у него опять неприятности: получил двойку по бухгалтерскому учету.

И Влас занял обычное место за ресторанным столиком.

Р. БЕРКОВСКИЙ
Диалог в кафе
 Рассказ

- Вас можно на минуту, товарищ заведующая?
- Слушаю вас.
- Ответьте на милость, почему ваши официантки так грубо себя ведут?
- Все?
- Нет, я говорю об одной.
- Так вот об одной и говорите.
- Да вот и она сама, та, что сейчас к буфету подходит. Обратился к ней: «Уважаемая товарищ официантка, я очень прошу, если вас не затруднит, будьте любезны, подайте мне, пожалуйста, поскорей...» А она мне отвечает: «Я вам не скаковая лошадь, чтобы меня подгонять». При чем тут лошади? Я же к ней не как к лошади, а как к человеку обратился, и я не на ипподроме, а в кафе пришел.
- Именно, что в кафе, да не просто в кафе, а в кафе с большим оборотом. У меня и без вас тьма забот.
- Тьма в душе у вашей официантки, вот где. Она меня еще больше поддевать стала. Намекая на мой возраст, сказала: «Вообще вам давно надо было бы дома сидеть да в переводные картиночки играть, а не значительного человека из себя разыгрывать». А у меня никогда в жизни дома ни одной переводной картинки и не водилось. А если и перевожу, то с французского или немецкого.
- О, боже ты мой! Ну, зачем же мне ваши переводные картиночки?
- А я вам предлагаю не картинки, а воздействовать на обслуживающий персонал.
- А что же, вас до сих пор не накормили?
- Нет, почему же, накормили...
- И как еда наша, вкусная?
- Может быть, и вкусная. Не заметил. Расстроен был.
- Будь бы плохо, сразу б заметили. А сервировали чисто?
- Вроде бы чисто.
- И рассчиталась официантка правильно?
- Врать не буду: копейка в копейку.
- Так вас же прекрасно обслужили! А вы мне, извините, какой-то ерундой голову морочите — толкуете о каких-то лошадях и переводных картинках. До чего ж клиенты привередливы стали!

▲ РАЦПРЕДЛОЖЕНИЕ
 КРОКОДИЛА:
 как согреться в ожидании
 автобуса.

Рисунок Г. КАРАВАЕВОЙ

— А воздух в этом
 санатории во-о!

Рисунок В. МОЧАЛОВА

В нашем
Цехе

В этом году в книжном издательстве «Эльбрус» (город Нальчик) прозвучала «Свирель с характером». Так называется книга басен, сатирических шуток, миниатюр армянского писателя, поэта, переводчика Миртыча Корюна.

«Трель своенравной свирели» не рассыпается впустую: зовет лентяя — к работе, жестокого — к человечности и каждого — честно и добросовестно трудиться на своем рабочем месте.

«Тайна чудотворного Спаса» — так называется атеистическая книжка, выпущенная Верхне-Волжским книжным издательством (г. Ярославль). В сборник включены фельетоны, очерки, стихи, памфлеты, рассказы, изобличающие попытки церковников модернизировать религиозную идеологию, приспособить ее к современности, укрепить ее пошатнувшиеся позиции. Среди авторов сборника — Владимир Тендряков, Леонид Ленч, Мих. Глазков, Григорий Луч, журналисты и писатели Верхней Волги.

Нижне-Волжское книжное издательство допустило промашку — выпустило веселую книжечку юмористических рисунков о спорте художника Петра Островского «Становись на коврик» тиражом всего в 10 тысяч экземпляров! Тысячам болельщиков хоккея, футбола и других видов спорта прибавилось хлопот: кроме билета на стадион, охотиться за книжечкой.

Петр Островский живет в Волгограде, но его рисунки охотно печатают всюду, в том числе и в «Крокодиле». И на этот раз мы охотно перепечатаем несколько работ художника из сборника «Становись на коврик».

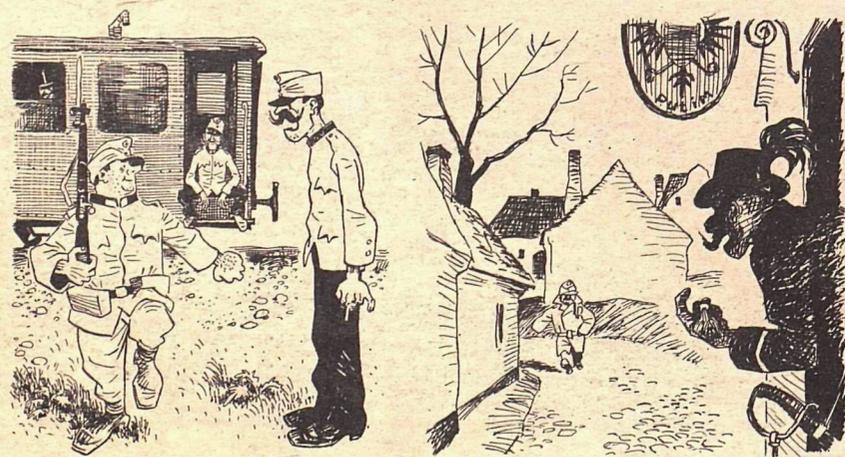

С. МАРШАК

«Гвоздь и подкова».

«Об уфимском разбойнике лавочнике Булакулине».

«ПОХОЖДЕНИЯ БРАВОГО СОЛДАТА ШВЕЙКА»

ЕВГ. ВЕДЕРНИКОВ

Трудно ли изобразить с натуры, скажем, лошадь? Кому как. Во всяком случае, для любого художника-профессионала это не проблема.

А можно ли нарисовать эту самую лошадь так, чтобы она, оставаясь вполне натуральной и достоверной сивкой, была бы в то же время по-человечески симпатична, неожиданно забавна, карикатурно смешна?

— Можно, — скажете вы, читатель, припоминая рисунки художников-крокодилцев, и, пожалуй, прежде всего Евгения Ведерникова.

— Пример с лошадью, конечно, случайный, — говорит художник, — но попал в точку: моя творческая биография началась именно с нее. Лошадей я начал рисовать лет четырех в детском саду — и ломовых, и «легковых» в пролетках, и «вейки» — в масленицу это были тройки, запряженные в празднично убранные сани, и конную милицию... Нравилось рисовать лошадей бегущих, мчащихся во весь опор. Сегодня уж могу покаяться: в школе на некоторых уроках рисовал целые серии приложений. Тогда я, конечно, не знал, что такие серии будут называться комиксами.

Но, в самом деле, почему мы начали с лошадей? Читатель ведь знает, что Е. Ведерников может, как говорят искусствоведы, извлекать комический эффект из собаки и коровы, курицы и кошки... Даже дома и автомобили, трамваи и деревья, не говоря уж, конечно, о людях, бывают у него смешными.

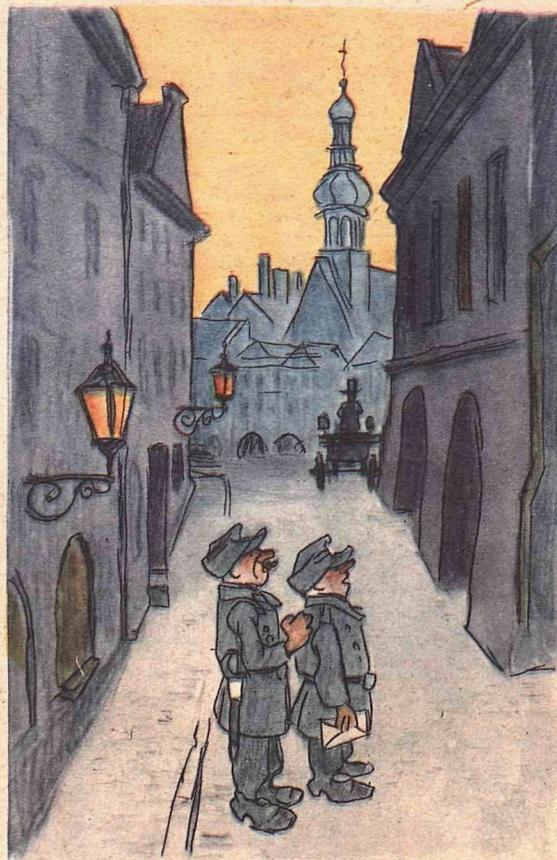
— Не обязательно смешными. Персонажи сатирического рисунка — и главные и второстепенные — могут вызывать у читателя негодование или сочувствие, презрение или жалость — короче, именно те чувства, которые, рисуя, испытываешь сам. Ведь худож-

ника, пусть он хоть трижды юморист, жизнь далеко не всегда смешит...

В подтверждение этой аксиомы Е. Ведерников вспоминает, как в 1935—1936 годах он, можно сказать еще мальчишка, попал в Таджикскую Памирскую геологическую экспедицию. Работал коллектором, бурильщиком в забое, даже завхозом. Там на высоте трех-четырех километров было немало поводов поиронизировать друг над другом: неопытность всегда чем-то смешна.

— Но, честно говоря, иногда — при землетрясениях, камнепадах — было не до смеха. Помню я и самое суро-

В: НИ ДНЯ БЕЗ РИСОВАНИЯ

А ну, что ты тут наворил?

На этом автошарже — Евгений Алиппиевич Ведерников, заслуженный художник РСФСР, член правления Общества друзей Ярослава Гашека, член редколлегии журнала «Веселые картинки», но, конечно, прежде всего — наш ветеран крокодилец

Только ежедневная, ежечасная работа над листом бумаги дает надежду, что добьешься чего-нибудь стоящего.

В 1939 году рисунки Е. Ведерникова впервые появились на страницах «Крокодила».

— Как это случилось, с чего началось!.. Пожалуй, с того, что я познакомился с Владимиром Гальбой — художником из ленинградской «Вечерки». У него дома было солидное собрание по истории карикатуры, как отечественной, так и зарубежной. У него я впервые увидел, например, немецкий журнал «Симплициссимус», у художников которого можно было многому поучиться. Помимо этого, мы с Гальбой ходили в зоосад — делали наброски зверей с натуры. Сдал я экзамены в художественный техникум, но учиться не стал: скучно было рисовать после живой натуры гипсовые фигуры, архитектурные детали, строгие орнаменты. В студии имени Грекова и в художественном институте, где я потом учился некоторое время, было, конечно, интереснее.

Работа во фронтовой печати — газетах Брянского, 1-го Украинского фронтов, 38-й армии — стала для Е. Ведерникова суровой школой. Альбомы огненных лет — как бы художественная «стенограмма» того грозного «разговора», какой вели с гитлеровцами наши части на всем своем боевом пути. А пройдено было немало: художник принимал участие в боях за Касторное, Сумы, Киев, Винницу, на Сандомирском плацдарме, Ду克林ском перевале, в Нижней Силезии, Берлине, Праге...

Сегодня эти пропахшие порохом альбомы, эти «изобразительные документы» войны интересны и волнующи сами по себе. Но в то время

мгновенные зарисовки на поле боя, наброски, сделанные в буквальном смысле на ходу, для самого художника были всего лишь вспомогательными «заготовками», штрихами, деталями, из которых еще должны были родиться рисунки для завтрашнего номера газеты.

— Когда вы познакомились с бравым солдатом Швейком?

— Еще сорок лет назад. В свободное время, а точнее говоря, по ночам начал иллюстрировать книгу Ярослава Гашека — просто для души, как говорится. Ну, а уже в послевоенные годы вышли четыре книги Гашека с моими иллюстрациями.

В 1959 году Е. Ведерников был приглашен на открытие дома-музея Я. Гашека в Липнице и трактира «У чаши» в Праге, где любил бывать его бравый герой.

— Встретились ли вы тогда с современниками и друзьями писателя?

— Вспоминаю Александра Инвальда, в гостинице которого Гашек написал первую часть «Похождения бравого солдата Швейка». Сапожник Антонин Крупичка рассказывал мне, как Гашек собирал старых солдат, ставил им угощение, а они «расплачивались» байками, в которых была затайливо и часто комически переплеталась с фантазией... Был на этом литературном празднике и секретарь писателя Климент Штепанек, которому Гашек диктовал последние части «Похождения». В трактире «У чаши» — он открылся тогда после многолетнего перерыва — висел, помню, портрет Франца-Иосифа, засиженный мухами, которых специально выпустили на него для этой «обработки». Вообще устроители постарались восстановить все, как было во времена Гашека, включая пиво и закуску.

И могу заверить, это им вполне удалось.

Литературное наследие Гашека — бесконечный кладезь сюжетов для Е. Ведерникова. Поэтому сам художник не может сказать точно, когда закончит свою работу. Что ж, может быть, утешительным итогом уже сделанного послужат слова Климента Штепанека: «Как человек, близкий Гашеку, я сказал бы, что товарищ Ведерников — хотя его рисунки совсем другого типа, чем у нашего народного художника Йозефа Лады, — может считаться вторым прекрасным иллюстратором Гашека после Лады».

Как бы ни был предан художником юморист избранной им нелегкой стезе, его интересы и пристрастия, конечно, не ограничиваются его профессией. Евгений Ведерников, этот насмешливый, озорной рисовальщик, равнодушен к импрессионистам, любит хорошую мемуарную и историческую литературу, совершает дальние речные походы на моторной лодке и по-спортивному завидует дерзкому английскому яхтсмену Фрэнсису Чичестеру.

А если добавить, что человеку с такой завистью на днях исполняется шестьдесят, то ему только позавидуешь...

Беседу вел А. ВИХРЕВ

На этих страницах — новые иллюстрации Е. Ведерникова к произведениям С. Маршака, Я. Гашека, Н. Лескова.

Н. ЛЕСКОВ

«Левша»

Горести и радости призывного пункта

В полдень в кабинет глазного врача Стикса ворвался разъяренный капитан Стэк.

— Вы или мертвецки пьяны, или спятили! — еще с порога проорал он. — Слышанное ли дело: каждого третьего рекрута вы бракуете по зрению!

— Но, капитан Стэк! — От волнения и обиды Стикс даже побагровел. — В чем же моя вина, сэр? Я, что ли, ослепил их? Хотите — проверьте сами, и вы убедитесь в том, что я не повинен, как еще не родившийся младенец.

Доктор высунулся в дверь и гаркнул: — Следующий!

Вошел рыжий крепыш в клетчатой кофтойке. Капитан Стэк сунул ему под нос листок газеты с рекламными объявлениями:

— А ну, шпарь отсюда! Да поживее!

— Виски «Белая лошадь», сэр, — расплылся в улыбку парень.

Стэк самодовольно ухмыльнулся и вручил парню инструкцию.

— А вот теперь отсюда читай. Ну?

— Отсюда? Не могу, сэр, никак не могу. «Белую-то лошадь» я каждый день вижу на вывеске кабачка, который содержит однорукий Аллистер, что воевал с вьетконговцами. Так в этой забегаловке, сэр, всегда свежие устрицы, а пиво...

— Заткнись! — проревел капитан. — И убирайся!

Стикс и Стэк долго молчали. Потом капитан медленно проговорил:

— Они...они не слепые, док. Они...просто не умеют читать, вот и все. Они неграмотные...

— Как устрицы, — мрачно добавил доктор. — Причем каждый третий. Как я это сразу не смекнул!..

Капитан Стэк посидел в медицинском кабинете рядом с врачом, и его догадка подтвердилась: почти треть молодых американцев, пришедших на призывной пункт, не владеет грамотой в достаточной степени даже для того, чтобы написать письмо или хотя бы адрес, прочитать газету и разобрать инструкцию.

Однако к вечеру капитан Стэк обнаружил и нечто отрадное: добровольцы шли густым косяком. Несмотря на отсеиваемую треть неграмотных, капитану стало ясно, что казарменную коечную норму он все равно заполнит.

— Хо-хо, док! — Капитан Стэк потер руки. — А наш министр обороны, я гляжу, был прав.

— А что сказал ваш мудрый министр? — осведомился доктор.

— Он сказал, что в связи с ростом безработицы возросло число американцев, мечтающих о военном мундире, а это, в свою очередь, позволит установить более строгие критерии при приеме добровольцев. Так что с грамотными солдатами все будет о'кэй, док. Мистер кризис хватает их за ухо и тащит к нам!

Свобода и колеса

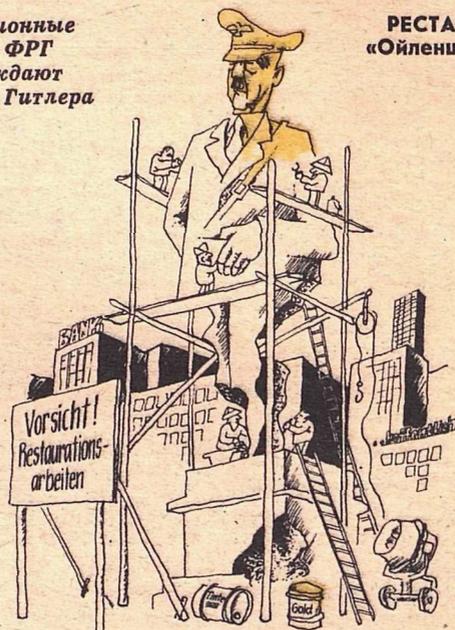
«Нет, вы только заметьте, — пишет «Бильд», одна из самых реакционных газет в ФРГ, — там, где мало автомобилей, там и свободы мало». Очень интересное наблюдение! Как тонко подмечена связь между автомобилями (США, ФРГ, Англия, Франция, Италия), там сейчас и самая большая безработица, так это тоже, конечно, симптом свободы — свободы от заработной платы. Удивительно, правда, почему эти ужасно свободные чудачки безработные вместо автомобильных прогулок предпочитают пешие — на биржу труда...

Победили жены 35:28!

Чикаго, этот печально знаменитый своей преступностью город-гигант, сделал большой шаг по части равноправия женщин. Как следует из опубликованного недавно полицейского доклада, за минувший год чикагские жены впервые убили больше мужей, чем мужья — жен. Годовой счет — 35:28 в пользу жен.

Как заявил по этому поводу представитель полиции, в таком развитии событий нет ничего удивительного, «так как женщины становятся более независимыми».

Реакционные круги ФРГ возрождают культ Гитлера

РЕСТАВРАЦИЯ. «Ойленшпигель», ГДР.

Интервенция грибастых

«Жители поселка обеспокоены и недовольны нашествием длинноволосых хиппи, которые презирают нормы общественной морали и проповедуют нудизм на наших пляжах. Снимаю с себя всякую ответственность за любые инциденты в результате возможного народного восстания».

Такую телеграмму направил мэр одного курортного местечка Сардинии министру внутренних дел Италии.

«Мы поднимаем этот вопрос не только из-за моральных соображений, — пояснил мэр Джанфранко Фадда. — Хиппи докучают туристам своим попрошайничеством, а также не

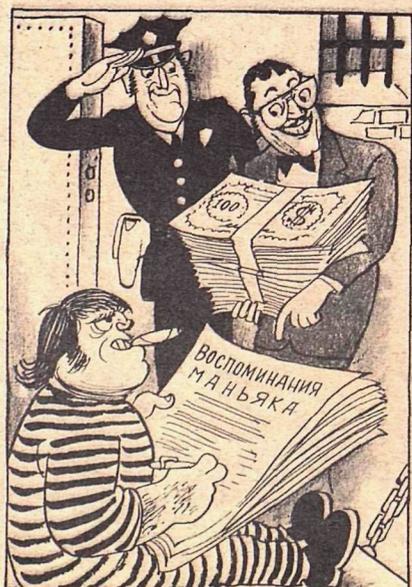
брегут мелкими кражами у местных жителей. На этой почве уже имели место стычки между хиппи и населением, которые могут вылиться в подлинное восстание местного населения».

Л. ПЕЧНИКОВ

Опус авангардиста

Однажды пианист-авангардист сел за рояль, решив сыграть на бис свой новый опус под названием «Минута». Он вскинул руки, сился вспомнить будто начало пьесы, только замер вдруг, уж не вздымая и не опуская рук. Так шестьдесят секунд сидел он недвижимо, напоминая воскового мима. И зал молчал, и назревал скандал.

А пианист, как будто все сыграл, спокойно встал и поклонился, и... удалился. Лишь только тут пришло на ум кому-то, что опус под названием «Минута» был весь из пауз! Ровно по часам его отмерил пианист-«новатор», как отмеряли, может быть, когда-то иные платья голым королям.

Шкурные страсти

В течение нескольких месяцев маньяк по кличке «сын Сэма» держал в страхе женское население Нью-Йорка. На кровавом счету этого Сэмино сына числилось больше десятка убитых и раненых женщин. Наконец полиция изловила преступника. Он оказался бывшим солдатом — «вьетнамским ветераном», а ныне мелким почтовым служащим по фамилии Берковиц. Но прежде чем Берковицем всерьез занялись судьи, на него набросились бизнесмены.

Об американских торговцах можно смело сказать, что ради красного рекламного словца они не пожалеют ни матери, ни отца. Еще не утерли слезы отцы и матери девушек — жертв «сына Сэма», а вокруг убийцы уже разгораются коммерческие страсти. Издательства бьются за право публикации мемуаров Берковица. Тем временем фабриканты одежды уже выбросили на прилавки рубашки с изображением физиономии маньяка и с веселеньким текстом под ней: «Примерь шкуру «сына Сэма», пока он не примерил твою».

Моды сезона

— Грабил! Насиловал! Убивал!
— Не помню...

— Вспомнил
Рисунок Н. ЛИСОГОРСКОГО

ЗНАЕМ МЫ ВАШЕГО ДЯДЮ!

Американская разведка равнодушна к журналистам и журналистке. Эту профессию ЦРУ считает прекрасной крышей для своих агентов. О том, что происходит под «крышей», рассказал недавно американский журнал «Роллинг стоун». С помощью этого журнала мы освежили в памяти историю о том, как американская буржуазная печать тайно повенчалась с Центральным разведывательным управлением.

Эту «любовную историю» можно разбить на несколько глав.

ГЛАВА I. ПОД РОКОТ ВОЛН

В 50-х годах агенты ЦРУ встречали возвращавшихся из-за океана американских корреспондентов прямо на судне и там же норовили выдти из них интересующую разведку информацию об увиденном и услышанном на чужбине.

Представляете, отпихивая чужую жену с парадно одетым дитем, человек в плаще стремительно бросался к трапу, заключал в объятия человека без плаща, еще не успевшего ступить на родной берег, страстно его лобызал и тащил прочь, рявкнув на чужую обалдевшую супругу: «Путаются тут всякие, работать мешают!» Картинка что надо...

Но, то ли уступая протесту жен и детей, то ли, чтобы не подхватить на открытом всем ветрам пирсе ангину, то ли по каким другим неизвестным нам причинам, только штатные сотрудники ЦРУ вскоре отказались от светлых и прилюдных встреч возвращающихся газетчиков.

ГЛАВА II. ШЕПОТ НА УРОКЕ

Вместо встреч на людях и ветру шефы ЦРУ решили открыть свою собственную спецшколу для подготовки фальшивых журналистов, чтобы затем засылать их в другие страны под видом корреспондентов.

Вероятно, на занятиях по литературному мастерству один курсант толкал в бок соседа по парте и шептал:

— Эй, сержант, ты на кого... тьфу, про кого писать будешь?

— Как приказано — рапорт на Джульетту.

А поскольку за партами сидели мастера по части подглядывания и списывания, их сочинения-донесения повторяли друг друга слово в слово.

Так оно было или иначе, но от затеи со спецшколой вскоре отказались. На подготовку посредственных, не шибко грамотных журналистов уходило слишком много времени, а время, как известно, — деньги. И притом немалые. За них-то руководство ЦРУ решило сразу и без мороки закупить готовых асов второй древнейшей профессии.

ГЛАВА III. КИТЫ-СОВМЕСТИТЕЛИ

«Перед заграничной поездкой, — рассказывает журнал «Роллинг стоун», — журналистов американских газет и еженедельников стали вызывать в тихие кабинеты и вежливо спрашивать: «Не сделаете ли вы нам одолжение? Нам известно, что вы собираетесь побывать в Югославии. Все ли улицы у них мощеные? Где вы увидите самолеты? Заметите ли вы какие-нибудь признаки

военного присутствия? Сколько вы увидите русских? Если вам доведется встретиться с русским, узнайте его имя и позаботьтесь о правильном его написании».

Одни с негодованием отвергали гнусные предложения, другие соглашались с энтузиазмом. В числе продавшихся с ликованием были три кита американской журналистики — Джоозеф Олсон, его брат покойный Стюарт Олсон, а также Сайрус Сульцбергер из «Нью-Йорк таймс».

Правда, молодой Сай Сульцбергер сначала слегка повыкобенивался. Человеку «оттуда» он подписку о сотрудничестве сразу не дал, а попросил повременить: надо, мол, посоветоваться с дядей — Артуром Хейсом Сульцбергером, в ту пору издателем «Нью-Йорк таймс».

Мы, конечно, на беседе дяди с племянником не присутствовали, но представить в общих чертах дядины аргументы не трудно.

— Да, ты сам-то посуди, племяш, — подбодрял засомневавшегося было Сая дядя Артур. — Пресса у нас с тобой какая? Правильно, гуманная. А это значит, что ты не можешь оскорбить невниманием славных тружеников из Центрального разведывательного управления. Зачем наносить душевную травму хорошим ребятам-патриотам? Уважь, Саюшка, их просьбу, уважь! И не дрейфь, племяш! Мой тебе о'кэй.

Что же касается самого дяди, то, как выяснилось, Артур Хейс Сульцбергер, издатель «Нью-Йорк таймс», задолго до племянника сам дал дядям из ЦРУ подписку о сотрудничестве!

ЭПИЛОГ

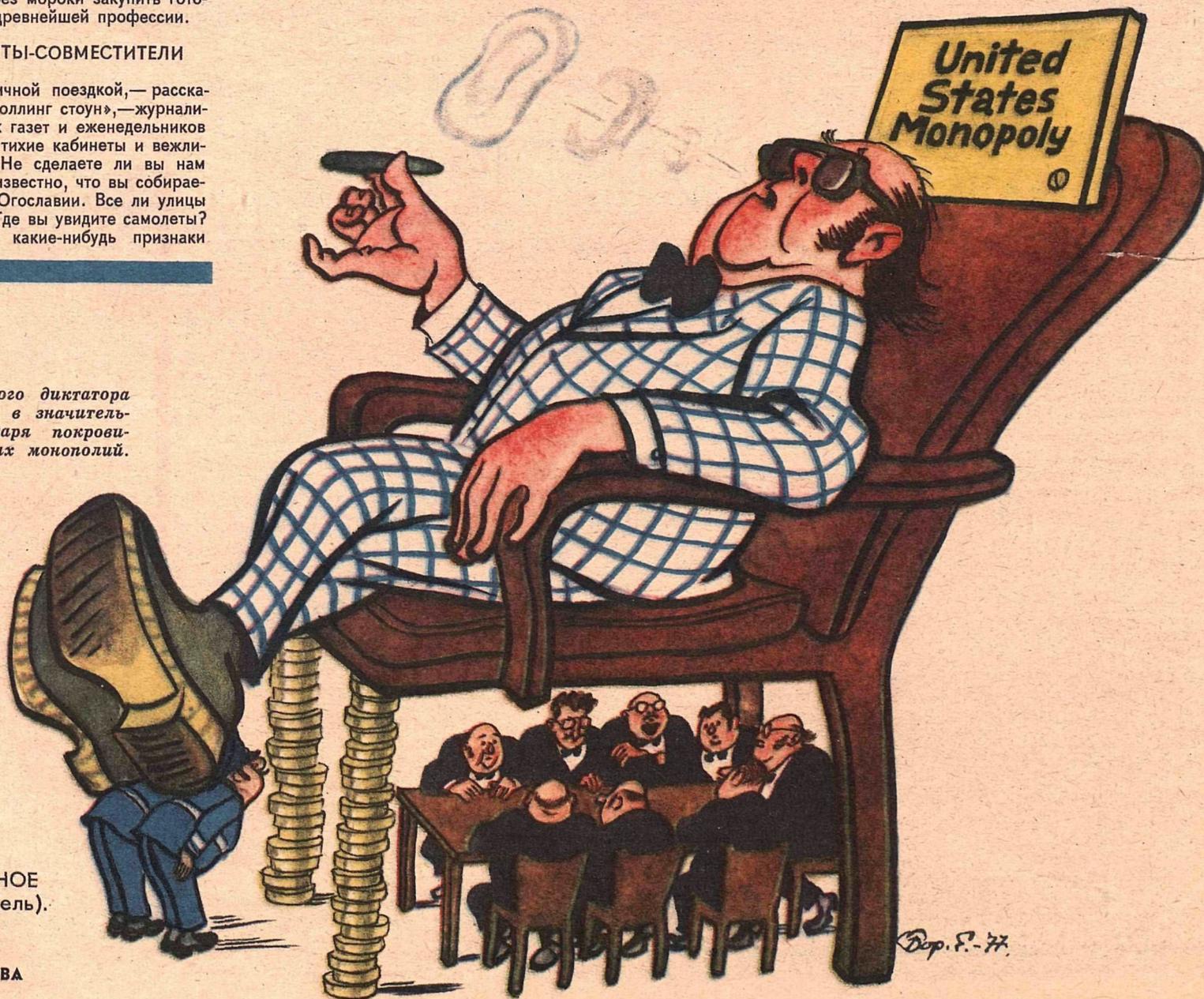
Так было.

Но руководство ЦРУ клянется, что больше так не будет. Сконфуженное скандальными разоблачениями, шпионское ведомство США во всеуслышание отказалось от журналистских услуг и даже опубликовало «Новые правила отношения с прессой», из коих следует, что впредь ЦРУ не будет поддерживать «никаких связей» с американскими журналистами.

Неужто так уж совсем никаких? Никаких платных, после некоторой заминки уточнило ведомство, поскольку «неоплачиваемые контакты» в счет не идут.

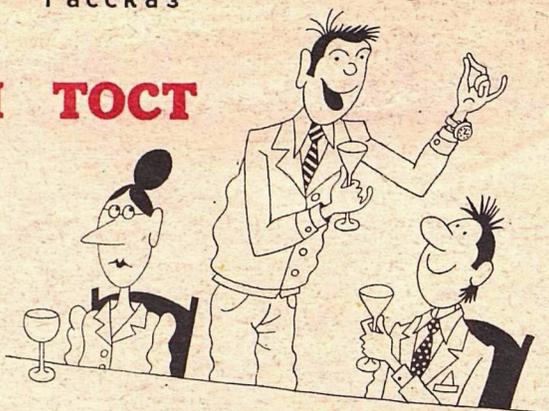
Так что все, что вы прочли выше, имеет отнюдь не архивное значение...

Режим парагвайского диктатора Стресснера держится в значительной степени благодаря покровительству американских монополий.

КРЕСЛО КАБИНЕТНОЕ (Парагвайская модель).

Художественный тост

— Итак,— сказал Монаков, окидывая всех многозначительным взглядом,— мой тост за женщин! За женщин — это всегда интересно. Тем более Монаков хоть и молодой, но ученый человек. Кандидат каких-то там наук. За оживленным столом, обильно уставленным закусками, бутылками, замолчали и перестали жевать.

Монаков держал стопку с водкой у самого сердца, как бы подчеркивая, насколько волнует его затронутая тема. Сам он похож на красивого неандертальца — узкий, нависший над лицом лоб, мощные надбровные дуги, маленькие сверлящие глаза, приплюснутый нос, узкие полоски губ и тяжелая, резко скошенная вниз челюсть. Удивительно, что именно такие типы считают себя неотразимыми красавцами и нередко действительно пользуются успехом у слабого пола. Впрочем, прихоти женского вкуса не поддаются объяснениям.

Одет он, как модный юноша, в черную кожаную куртку, потертые импортные джинсы, туго обтягивающие его крепкие ноги, серую рубашку в золотую полоску. На кисти у него японская «Сейка».

— Во все эпохи женщина,— продолжал Монаков, игриво поглядывая на женщин,— была объектом атаки со стороны мужчин. И, очевидно, не зря. Ибо женщина — это всегда прекрасно. Это великолепно. Любая отдельно взятая особь нормальных кондиций неизмеримо выше любого шедевра мирового искусства. Ибо она живая, у нее светятся глаза, у нее теплая кожа, и она может смеяться и обнимать вас своими мягкими руками. А даже самая прекрасная картина или скульптура никого не согреет. Правильно я говорю, товарищи мужчины?

Мужчины охотно поддержали. Конечно, не согреет. Тем более что искусство было где-то там, в музеях, а жены и подруги сидели рядом. Здесь же за столом, рядом с Монаковым, сидела и его жена. Взгляд ее темных глаз ничего не выражал. Сухое, тонкое лицо было бесстрастно, губы поджаты.

— Женщина — всегда прекрасная загадка,— с нервным пафосом продолжал Монаков.— Кре-

пость, к счастью, не всегда — гм-гм — неприступная. Это тайна, овладеть которой мы все страстно стремимся. И движет нами отнюдь — гм-гм — не чисто научный интерес. А что же нас так влечет к женщине? Инстинкт? Нет, извините! Мы интеллигентные люди. Любопытство? Скука? Нет, нет и нет. Красота. Нежность. Целомудрие.— За столом окончательно перестали жевать и шептаться. Монаков победоносно оглядел присутствующих.— Кротость, женственность, мягкость, сердечность. Возьмем, например,— взгляд Монакова быстро пробежал по лицам и остановился на полной, румяной брюнетке с пухлыми губами и пышным бюстом,— нашу очаровательную, прелестнейшую Тамару Сергеевну. Взгляните и оцените, как она шедеврально! — Взгляды всех устремились на Тамару Сергеевну. Она смущенно опустила глаза и учащенно задышала.— Какие у нее божественно совершенные формы! Вся она так и дышит негой.

Все улыбались. Лишь одна жена Монакова сидела неподвижно, как деревянный идол. Вдохновленный Монаков продолжал свой пламенный тост. Он в упор смотрел на Тамару Сергеевну, и глаза его горели откровенным восторгом, дерзким вызовом. Он даже похорошел, этакая бестия.

— Взгляните же и на эти загадочно мерцающие зеленые глаза, на этот нежный извив плеч, на эту дразнящую воображение белую шею. Да это же просто волшебная сказка. А вот и нет. Тамара Сергеевна ни с чем не сравнимая явь. Она чудо естества, самая большая удача природы, ее

совершеннейшее творение. (Пухлые, влажные губки Тамары Сергеевны беспомощно приоткрылись, на щечках заиграли румянец.) Ею мало любоваться,— счастливым, смеющимся голосом продолжал оратор,— ее надо боготворить, сочинять в ее честь гимны и оды, оратории и кантаты. Она, как прекрасная фея, дает могучий импульс творчеству, дерзанию, неустанному труду, кипению страстей.— Монаков до того распалился, вошел в такой азарт, что не мог уже остановиться. Он смотрел на объект своего пылкого тоста с юношеским обожанием и восторгом, глаза его лучезарно сверкали, горели прямо-таки демонически-пылковой любовью.

Тамара Сергеевна подняла на него свои широко раскрытые глаза, грудь ее высоко вздымалась.

— А я и не знала, что вы обо мне так думаете,— с кокетливым смешком сказала она, подавшись навстречу этому искусителю-златоусту.

А он с необыкновенным подъемом продолжал:

— Я объявляю вас, Тамара Сергеевна, богиней красоты и царицей нашего вечера. Я преклоняюсь перед вами и прошу разрешения смиренно опуститься на колени у ваших ног и поцеловать ваши прелестнейшие ручки.

— Я разрешаю вам это,— томно и расслабленно сказала Тамара Сергеевна.

Монаков сделал было шаг в обход стола к своему триумфу, но его вдруг что-то остановило. Он оглянулся. Это жена крепко уцепилась за полу его кожаной куртки. Она поднялась, вынула из пальцев разгоряченного супруга стопку водки и энергичным жестом выплеснула ее прямо в лицо Монакову. Тонким жестким и непреклонным, как железная щетка, сказала:

— Негодяй! Вот когда ты наконец раскрылся. Мне говорил, что она дура набитая и что тебе на нее смотреть противно. Ах ты, бабник проклятый! — С этими словами уважаемая супруга с силой и быстротой настоящего чемпиона по боксу стала хлестать Монакова по щекам. Ошеломленный, он даже не пытался защищаться. Голова его моталась то туда, то сюда, а во рту что-то странно булькало, будто он давал слово никогда в жизни не поднимать тост за прекрасных женщин. Когда общий шок прошел, поднялся переполох. Присутствующим с трудом удалось оттащить разъяренную супругу от бледного, испуганного Монакова...

По дороге домой он с горькой обидой говорил: — Ну чего ты набросилась? Ведь я не о ней. Я вообще. Я образно. Никакого у тебя художественного воображения. Такой тост сорвала...

Владимир СВИРИДОВ

ТАИНСТВЕННЫЙ ДОЦЕНТ

Рассказ

В доме отдыха был день заезда. Маленький автобус шустро сновал на станцию и обратно, подвозя все новые и новые порции курортников.

Семен и Никола познакомились еще в поезде и поэтому, уже успев выплеснуть кучу первостепенных новостей, не спеша вели мужской разговор. Они, естественно, захотели жить в одной палате и, откровенно говоря, очень беспокоились, какие соседи им достанутся.

— Попадется какой-нибудь зануда, будет по ночам храпеть или вставать ни свет ни заря,— рассуждал поднаторевший в курортном деле Семен,— обалдеешь.

Палата у них оказалась на четверых. Когда они вошли, на кровати уже сидел какой-то смуглый мужчина с орлиным носом.

— Добро пожаловать! — радостно воскликнул он и, быстро поднявшись, протянул руку.— Тенгиз, будем знакомы!

Минут через пять они уже оживленно болтали. Знакомство состоялось. Ждали только четвертого, последнего.

Это был приятный шатен лет сорока, модно одетый, с большим чемоданом и спортивной сумкой через плечо. Он был доцент и звали его Андрей Григорьевич. Ночью он не храпел, не кричал о пожаре и не пел произведения советских и зарубежных композиторов. Следующий день прошел нормально, скорее даже хорошо. Семен с Николой продегустировали вино местного разлива, а Тенгиз познакомился с симпатичной блондинкой из Челябинска.

Доцент исчез сразу после ужина. До отбоя оставалось несколько минут, а его все не было.

— Может, случилось что? — подумал вслух Никола.

— Здесь со всеми случается, только удивительно, что в первый же вечер,— туманно намекнул Тенгиз.

— Неужели с дамой? — смекнул Никола.

— Нет, с моим дедушкой,— усмехнулся Тенгиз...

Андрей Григорьевич ужасно смутился откровенно любопытных взглядов соседей по палате.

— Я вас не разбудил? — вежливо спросил он. Одет он был в простенькие джинсы и лохматые от старости кеды. На плече болталась спортивная сумка.

В таком наряде на свидания не ходят — это знает каждый.

На другую ночь, когда уже все, кроме Николы, крепко спали, доцент осторожно стал одеваться. Никола внимательно наблюдал за ним. Андрей Григорьевич взял сумку и на цыпочках вышел на балкон. Никола похолодел.

— Братцы! Ребята! — испуганно затормошил он мирно спевших курортников.

— Ну, чего тебе? — недовольно ворча, зевнул Семен.

— Доцент-то наш лунатик! — кивая на пустую кровать Андрея Григорьевича, сообщил Никола.— Погулял сперва на балконе по перилам, а потом залез на телеграфный столб и пошел себе по проводам.

Все вышли на балкон, огляделись.

— Псих же ты, Никола! — плюнул Семен.— Какие тут провода, столбы? Приснилось? Дело большое: первый этаж. Спрыгнул на землю, и будь здоров, пишете письма.

Мужчины снова влезли под одеяла. Не спалось.

— А может, он уголовник или рецидивист, а? — додумался Никола.— У меня, как у дружинника, нюх на ихнего брата, будь здоров!

...Дежурный врач долго не понимал, в чем дело, а потом вдруг громко захохотал.

— Идите и спокойно отдыхайте, товарищи курортники. Андрея Григорьевича обижать не надо. Он действительно самый настоящий ученый, биолог. А по вечерам уходит с нашего разрешения. Светлячков ловит, для опытов. Ясно!

Вконец разочарованные курортники пошли досыпать. — Эх,— с досадой сказал Семен,— а с виду мужик вроде любопытный. Тьфу! Зануда, жуковол!

— А еще доцент! — добавил Тенгиз.

Андрей Григорьевич спал крепким, здоровым сном.

ШЕШЕ

КОНКУРС КРИКОМЛИ

Что бы это значило?

САМ НЕ СВОЙ

Начальник не в духе.
БИТЫЙ ЧАС
Время трансляции бокса по телевидению.

Ю. Тульчинский, г. Киев.

БРАК ПО РАСЧЕТУ

Производственный брак из-за ошибки в расчете.

С. Иглин, г. Брест.

ПУСКАТЬ ПЫЛЬ В ГЛАЗА

Выбивать ковер.
ЗАМОРИТЬ ЧЕРВЯЧКА
Опрыскать сад инсектицидами.

В. Овсянникова, г. Артемовск.

ШЕСТОЕ ЧУВСТВО

Шестая любовь после пятого развода.

В. Железняк, Васильковский район, Днепропетровской обл.

Рисунок Ю. УЗБЯКОВА

— Везде записки с просьбой прислать слесаря-водопроводчика!

Рисунок А. СЕМЕНОВА

— Товарищ сержант, ну какой же русский не любит быстрой езды?

Рисунок П. ГЕЙВАНДОВА, г. Душанбе.

КРО КО ДИ ЛИ КИ

— Будешь озорничать, в спортзал больше не пушу!

Рисунок С. СПАССКОГО

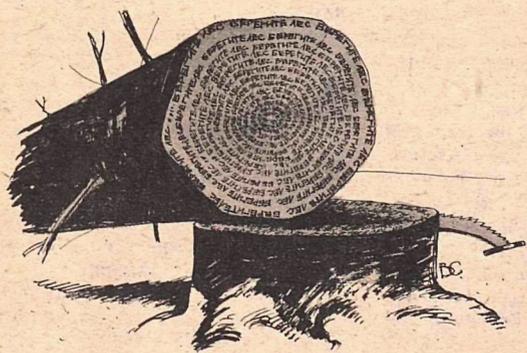
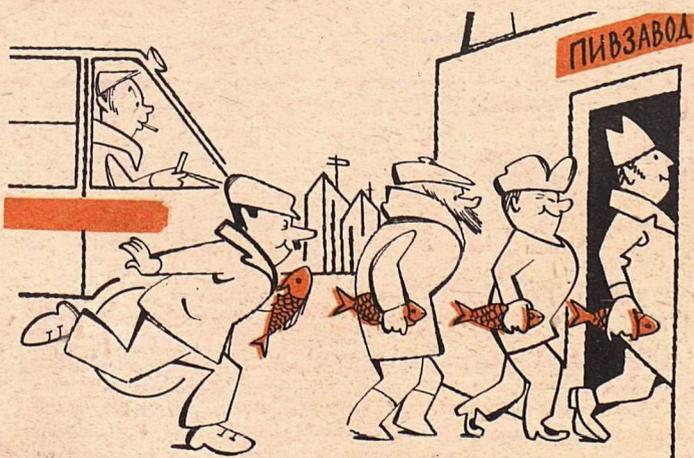

Рисунок В. СОНКИНА

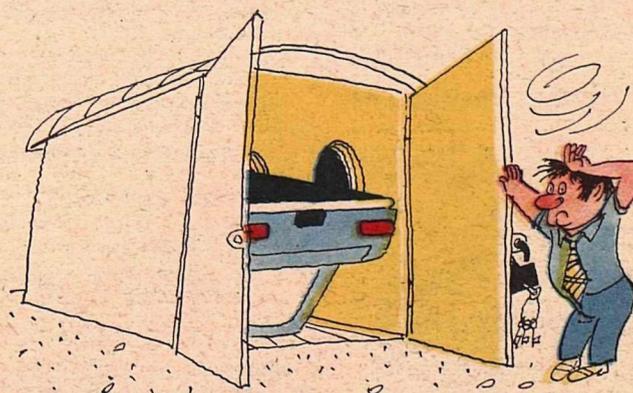
— Это уж слишком: он еще и загорать лег.

Рисунок А. АЛЕШИЧЕВА

На экскурсию.

Рисунок М. ВАЙСБОРДА

— Не помню, как я вчера заехал в гараж...

Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА

КОНКУРС "ЧЕТЫРЕ СТРОКИ"

КОНКУРС "ЧЕТЫРЕ СТРОКИ"

Шухрат ГАНИЕВ

НА ВЫСТАВКЕ ПЕРЕД
«НАТЮРМОРТОМ ИЗ РЫБ»

Один в восторге:

«Ну и красота!
Шедевр! А фон, а красок
переливы...»

Другой ему поддакивает:

«Да-а...» —

Вздыхая тайно:

«Вот таких бы к пиву...»

г. Андижан,
Узбекская ССР.

Аврелий ЛЕВИТ

ОТ СЕТИ ДО СЕТИ

Всплыла стая рыб со дна
И попала в сети.
Доберется ли она
До торговой сети!

г. Тбилиси.

Иван БЕЛЯКОВ

КУКУШ

Своих детей он
не считал,

Он их по свету

растерял.

Не холост, не вдовец,
не муж.

Он, в общем, так сказать,

КУКУШ!
г. Краснодар.

Григорий ЕФАНОВ

ВОПРОС К БРАКОДЕЛУ

Из цеха природы ты вышел
без трещин:

Родился и вырос —
красавец, крепыш!

Так что же ты сам
немудреные вещи

Кривыми, хромыми,
бездельник, родишь!!

г. Таганрог.

Владилен
ПРУДОВСКИЙ

ПЕРЕСТРАХОВЩИК

Вопросы не хотел он
в одиночку

Решать, боясь
превысить полномочия.

И даже там, где надо
ставить точку,

На всякий случай ставил
многоточие...

г. Запорожье.

Вл. КАПНИНСКИЙ
ЛЮБОПЫТНО!

Спросила у летучей Мыши
Мышь-полевка:

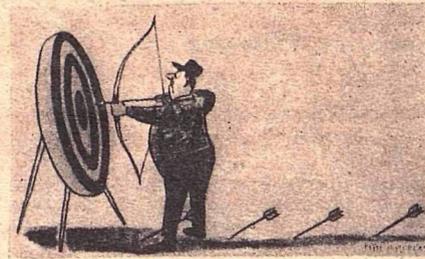
— Спать на весу, вниз
головой, неловко!

Скажите откровенно,
между нами,

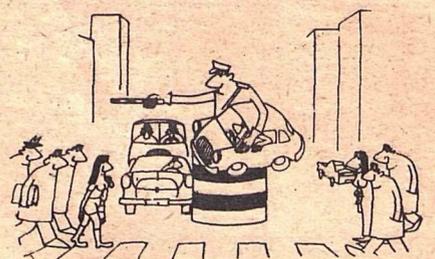
А сны вам снятся тоже...
вверх ногами!

г. Москва.

КОНКУРС "ЧЕТЫРЕ СТРОКИ"

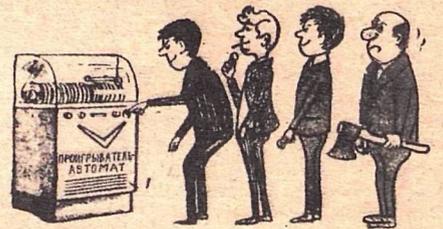

«Крисчен сайенс монитор», США.

«Рогач», Чехословакия.

Два ковбоя разговаривают в баре:
— А ты играешь на каких-нибудь
музыкальных инструментах!
— Конечно. И на пианино, и на
аккордеоне, и на органе, даже пере-
числить тебе все затрудняюсь.
— И на скрипке! — недоверчиво
спрашивает первый.
— Пробовал, ничего не получает-
ся. Маленькая очень, и карты с нее
все время падают.

«Квик», ФРГ.

УЛЫБКИ РАЗНЫХ

Антонио де ЛАРА (Испания)

ОПЕРАЦИЯ

Знаменитый хирург быстро вошел
в операционную, натягивая на ходу
перчатки.

— Скальпель!

Он приготовился уже вскрыть
брюшную полость пациента, но в по-
следнюю секунду остановился.

— Послушайте, — спросил хирург
операционную сестру, — а что мы
должны удалить?

— К сожалению, — сказала хирур-
гическая сестра, — точно я не знаю,
но, мне кажется, что-то, что оканчи-
вается на «ка».

— На «ка»? Конкретнее! Кишка?
Рука? Башка? Хотя вряд ли больной
заинтересован в такой радикальной
операции... Знаете что, позвоно-ка я

жене, может быть, она вспомнит:
обычно я ей рассказываю, что мне
предстоит делать... — Хирург набрал
номер. — Послушай, дорогая, ты слу-
чайно не помнишь, что я должен уда-
лить больному с усами, большие та-
кие висячие усы?

— Представления не имею.

— Видишь ли, я совершенно за-
был, но, возможно, это нечто, окан-
чивающееся на «ка».

— Рука. Наверное, рука.

— Пожалуй, ты права, дорогая. Тем
более что у него их две, и ничего
не случится...

— Да, дорогой, но главное: не за-
будь купить сыру. Сегодня у нас
обедает Федерико, а он очень люб-
бит сыр. Не забудешь?

— Какой сорт?

— Любой. Впрочем, если будет
свежий камамбер, возьми лучше его.

— Но он же терпеть его не может.
От камамбера ему всегда плохо.

— Вот и хорошо, у тебя будет
лишний пациент.

Жена положила трубку, и знамени-
тый хирург вернулся в операцион-
ную.

— Ну что, выяснили? — накинулся
на него ассистент.

— Ничего я не выяснил.

— Я, кажется, припоминаю: это
что-то, оканчивающееся на «ом», а
не на «ка», — сказал ассистент.

— На «ом»? Может быть, диплом?
Симптом? Синдром?

— Мне все равно, — сказал асси-

стент. — Это ваш больной, а не мой.
Хирург хмуро посмотрел на боль-
ного и сказал:

— Пока что, на всякий случай, я
удалю ему усы.

— Давайте позвоним ему домой, —
сказала хирургическая сестра. — Мо-
жет, хоть его родные знают.

— Отличная идея! — воскликнул
хирург и снова направился к теле-
фону.

— Сеньора Рамирес? С вами гово-
рит доктор Лопес. Нет, ничего осо-
бленного не случилось. Я хотел толь-
ко спросить вас: не помните ли вы,
что мы должны удалить вашему му-
жу?

— Я не знаю. Кажется, это что-то
на «ит».

— Минутку, сейчас я назову вам
все, что я помню на «ит»: нефрит,
гранит, паразит, сталәктит...

— Нет, нет, ничего похожего.

— Так что же вы прикажете мне
удалить у него?

— Что хотите, я в дела мужа не
вмешиваюсь.

Когда знаменитый хирург вернул-
ся в операционную, больной очнулся,
поскольку действие наркоза кончи-
лось.

— Ну дела! Даже его собственная
жена ничего не могла толком ска-
зать.

— Моя жена знает лишь то, —
вступил в разговор оперируемый, —
что ей выгодно знать. Она эгоистка
до мозга костей. Представляете, ко-
гда она пользуется зубной пастой,
она всегда нажимает на тюбик по-
средине, хотя знает, что мне это
неприятно. Тюбик надо выдавливать
снизу. Как вам это нравится?

— Это ужасно! — воскликнул асси-
стент.

Тут хирург перебил больного:
— Да, кстати, не помните вы, что я
должен вам вымахать?

— Ради бога, ничего! Я не боль-
ной, я монтер и пришел сюда почи-
нить пробки, а эта вот особа, — он
показал на хирургическую сестру, —
набросилась на меня, сунула мне под
нос что-то, и я вроде бы уснул. Ну,
так где у вас тут пробки?

Перевела Ракель БУРКОВА.

Нарочно

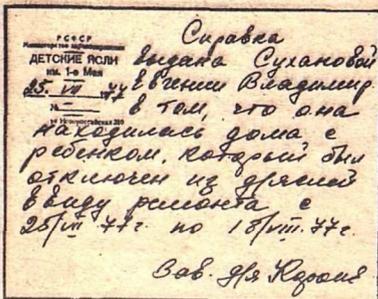
НЕ

придумаешь

«Прошу вернуть мне деньги за
непрожитую жизнь».

(Из заявления директору гостиницы).

Прислал В. Ткачев, г. Ашхабад.

Прислала А. Небылица,
г. Краснодар.

(Вывеска гостиницы мясокомби-
ната).

4 Фото П. Стасюкова, г. Экибастуз.

«Вино пил по случаю моего
дня рождения в туалете танце-
вального павильона, так как имею
сегодня на это все основания».

(Из объяснения нарушителя).

Прислал В. Андрианов,
г. Ленинград.

«Влеты всех типов из аэро-
порта Рожино задерживаются до
5 часов московского времени».

(Объявление).

Прислала Р. Столбова,
г. Тюмень.

«Наш коллектив приложил не-
мало сил и стараний и завалил
план по молоку. А если посмот-
реть в разрезе доярок, получает-
ся еще более неприглядная кар-
тина».

«Обязать птичник строго смот-
реть за хищением кормов».

(Из протоколов заседания прав-
ления колхоза).

«Сам бригадир занимается по-
травой люцерны. К этому делу он
привлек на помощь еще и тещу».

(Из докладной).

«Жена, она та же скотина, тре-
бует до себе ласки».

(Из показания на товарищеском
суде).

«Яйценоскость птичник падает,
так как они халатно относятся к
своим обязанностям и плюют на
рацион кормления».

(Из объяснительной записки
заведующего фермой).

Прислал Р. Ломовский,
г. Кисловодск.

Анатолий ПОТЕМКОВСКИЙ
(Польша)

ПАМЯТЬ

Мы встретили в городе пана Щавницу. Выглядел он как-то странно.

— У тебя странный вид,— сказали мы.— Что с тобой?

— Не знаю,— сказал Щавница,— с утра хожу, как пьяный. С чего бы это?

— Очень неустойчивая погода,— сказала пани Соловейчик.— Многие не выносят перемены атмосферного давления.

— Голова болит?— спросил магистр Конкульчинянский.

— Нет,— сказал Щавница,— не болит. Я люблю, когда погода меняется.

— Не принимай близко к сердцу,— сказал Беспальчик.— Может, это у тебя просто от какой-нибудь болезни.

— Очень даже может быть,— поддала пани Соловейчик.— Ничего нет легче заразиться какой-нибудь болезнью.

— Температура у тебя есть?— спросил пан Куца.

— Не знаю,— сказал Щавница неуверенно.

Пани Соловейчик приложила руку к его лбу.

— Похоже,— сообщила она,— что болезнь протекает без температуры.

Щавница вздохнул свободнее. Состояние его здоровья волновало его уже меньше.

— Да,— добавила пани Соловейчик,— но если нет температуры, это значит, что организм не сопротивляется. А тогда болезнь может длиться дольше.

Щавница опять загрустил.

— Но, с другой стороны,— утешила пани Соловейчик,— это может быть и от нервов, например.

— Нет,— вздохнул Щавница,— нервы у меня в порядке. Просто я чувствую себя, как пьяный.

Мы стали молча обдумывать положение.

— Послушай,— неожиданно сказал Беспальчик,— а ты, случаем, не того... не выпил?

— Минутку,— пробормотал Щавница,— минутку... дайте собраться с мыслями... Значит так... мы с одним знакомым паном... перед завтраком... ну конечно же... мы с ним выпили два пол-литра.

Глаза у Щавницы повеселели. Да, подумали мы, память нужно постоянно тренировать и укреплять.

Перевел Н. ЛАБКОВСКИЙ.

Студент-медик спрашивает в библиотеке:

— Простите, мисс, я просил у вас новейший учебник анатомии, а не этот, изданный двадцать лет тому назад. Неужели у вас нет ничего поновее!

— Уж не думаете ли вы, молодой человек, что за последние годы в конструкцию человеческого скелета внесены изменения!

Калле слегка выпил и ехал домой в автобусе, общительный и словоохотливый. Увидев, что сидящий рядом юноша рассматривает географическую карту, Калле заинтересовался, что это за карта.

— Это карта Китая,— сказал юноша.

— Сдается мне, старина, что вы сели не на тот автобус.

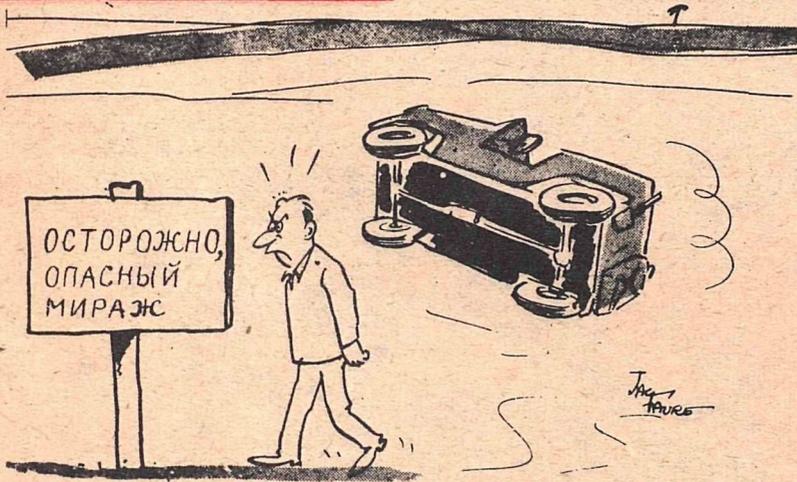

«Урзика», Румыния.

В окне кафе во французском городе Кале, который очень часто посещают английские туристы, висит объявление: «Здесь понимают тот французский язык, который вы учили в школе».

Богатый холостяк завещал свое состояние трем женщинам, которые в свое время отвергли его предложение о женитьбе. «Я обязан им миром и счастьем,— написал он в завещании,— которым я наслаждался всю жизнь».

широт

«Джюки курьезито», Италия.

— Лизхен, ты ведь обещала, что никогда не выдашь мою тайну, а сама...

— Но, Ингрид, я не выдала твою тайну. Я просто обменяла ее на другую.

— У меня сейчас столько неприятностей,— рассказывает Дюпон,— что если завтра случится какая-то новая, я обращаю на нее внимание не раньше следующего месяца.

— Да, дорогой, я клялась перед алтарем всегда поровну делить с тобой горе и радости. Что ж, мы вместе прошли через войну, два наводнения, болезни, пожар, но теперь ты требуешь от меня невозможного! На хоккей я с тобой не пойду!

— А вы уверены, что это действительно хорошее сновидение?

— Да, сэр. Мы даже вынуждены к каждому флакону прикладывать в комплекте будильник.

В автомастерскую входит дама и спрашивает у механика:

— Ну, так что с моим автомобилем!

— Гм... пока могу сказать только одно — ключ и пепельница в полном порядке.

Два старика вспоминают свою молодость.

— Ради меня одна прелестная девушка рисковала своей жизнью,— говорит со вздохом один.

— Как это?

— Она сказала, что скорее прыгнет в Дунай, чем выйдет за меня замуж.

Слова, слова...

Конечно, можно смотреть на деньги свысока, но все-таки не следует терять их из виду.

Андре Прево, французский писатель.

Всегда готов встать на чужую точку зрения: лишь бы ее затоптать.

М. Гел, американский социолог, о своем коллеге.

К сожалению, недостаточно повернуться спиной к трудностям, чтобы они оказались у тебя позади.

Житейская аксиома.

Того, кто не приходит к нужному выводу самостоятельно, следует приводить к нему.

Юмор инквизиторов.

Если уж завидовать, то лишь тому, кто не завидует никому.

Девиз завистников.

На горных вершинах даже из куриных яиц вылупливаются орлята.

Приписывается древнегреческому орнитологу Саниди.

КРОКОДИЛ

№ 2 (2228)

январь
ИЗДАЕТСЯ
С ИЮНЯ 1922 ГОДА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ
«ПРАВДА»

ЖУРНАЛ
ВЫХОДИТ
ТРИ РАЗА В МЕСЯЦ

Темы рисунков этого номера придумали: Д. Агаев, А. Алешинев, М. Вайсборд, Б. Воробьев, П. Гейвандов, Е. Гуров, Р. Друнман, Г. Иорш, В. Мохов, В. Мочалов, К. Невлер, В. Сонкин, Ю. Степанов, М. Ушац, Ю. Черепанов.

НАШ АДРЕС:

101455,

Москва, А-15, ГСП,
Бумажный проезд, д. 14

ТЕЛЕФОНЫ:

250-10-86

253-34-37

Главный редактор
Е. П. ДУБРОВИН

Редакционная коллегия:
М. Э. ВИЛЕНСКИЙ
А. Е. ВИХРЕВ
(зам. главного редактора)

А. Б. ГОЛУБ
Б. Е. ЕФИМОВ
А. П. КРЫЛОВ
(художественный редактор)

Г. О. МАРЧИК
(зам. главного редактора)

И. М. СЕМЕНОВ
М. Г. СЕМЕНОВ
С. В. СМЕРНОВ
А. А. СУКОНЦЕВ
А. И. ХОДАНОВ
(ответственный секретарь)

Технический редактор
В. П. БОРИСОВА

Рукописи не возвращаются.

Сдано в набор 16/ХІІ 1977 г.
А 02173. Подписано к печати 26/ХІІ 1977 г. Формат бумаги 70×108¹/₂. Усл. печ. л. 2,80. Уч.-изд. л. 4,54. Тираж 5 800 000 экз. (1-й завод: 1—3 584 150). Изд. № 45. Заказ № 1594.

© Издательство «Правда», «Крокодил», 1978 г.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

Пентагон намеревается оснастить американскую армию нейтронным оружием и дислоцировать его в европейских странах — членах НАТО. Мировая общественность видит в этих планах опасность для дела мира.

14 ЯНВ 1978

232 0/2

ВСЕСОЮЗНАЯ
КНИЖНАЯ ПАЛАТА
КОНТРОЛЬНЫЙ ЭКЗ.
1978 г.

— Благодарю вас, сэр! Вы так много для меня делаете...

Рисунок Е. ГУРОВА

КРОКОДИЛ

МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» Индекс 70448

Цена номера 20 коп.